

Вновь назначенный екатеринодарский полицмейстер при случайных встречах в Атаманском дворце пытался всячески расположить к себе Засыпкина: наговаривал массу комплиментов, восторгался эффективным устройством охранного пункта и грамотным его заведованием, отдавал должное умению заведующего пунктом выявлять и ликвидировать террористов, озадачивался созданием подобного учреждения в городе для нужд уголовного сыска, испрашивая советы, и прочая, и прочая. Федор Андреевич выслушивал бурные потоки красноречия Захарова не без внимания, но относился к ним весьма скептически – был какой-то неуловимый подвох в его словах, какая-то внутренняя неискренность, что ли. Но внешне старался не выдавать своих ощущений, пытаясь раскусить чаяния Захарова. И вскоре такой случай представился.

Когда в начале апреля от агентуры поступило сообщение, где скрывается анархист Иван Дебелый, Засыпкин отдал распоряжение задержать его силами полиции. Неожиданно для него, в ночь на 4 апреля, Захаров первым ворвался в дом № 12 по Черноморскому переулку и схватил анархиста с заряженным маузером. Обстоятельства задержания злодея полицмейстер представил Засыпкину в рапорте и на словах заявил, что был бы бесконечно признателен, кабы заведующий охранным пунктом лично засвидетельствовал начальнику области успешное завершение операции по обезоруживанию террориста. Федора Андреевича несколько смутила подобная просьба, ибо полицмейстер едва ли не ежедневно беспрепятственно имел определенные часы для доклада в Атаманском дворце. Решил на пару дней попридержать

свой рапорт Бабычу. И опять не ошибся. Выяснилось, что на задержание Дебелого полицмейстер взял десяток городских, распорядившись вести скрытое наблюдение за домом, а сам расположился неподалеку в винной лавке, приказав ее владельцу закрыться, и ждал сообщений от городских. Когда ему доложили, что Ванька Дебелый накушался самогона и беспробудно спит в доме, Захаров ринулся туда, приказав городским оставаться у забора на улице, вышиб дверь и, ворвавшись в хату, скрутил спящего злодея. Перерыв комнату и, обнаружив под подушкой маузер, полицмейстер, не колеблясь, взвел курок и, тщательно протерев носовым платком, засунул пистолет в карман штанов Дебелого, а потом позвал городских. Все это Засыпкину доверительно поведал один из городских, обязанный ему жизнью во время одной из ликвидаций (начальник «охранки» и думать перестал о том случае). Нарушив приказ полицмейстера, городской зашел во двор и без праздного любопытства через окно наблюдал за действиями Захарова, будучи готовым в случае опасности оградить начальство от неприятностей. Естественно, о «подвиге» полицмейстера Федор Андреевич докладывать Бабычу не стал, но подумал: «Далеко пойдет, стервец!» Самому же Захарову с той поры перестал подавать руку. Тот уловил изменение в отношении к нему со стороны заведующего охранным пунктом, но о причинах сего только строил догадки.

...С разгулом анархистов в городе фактически было покончено. Свое слово, данное начальнику области, Засыпкин сдержал, и на Пасху Михаил Павлович Бабыч поздним вечером с семьей отправился на Соборную площадь для участия в богослужении

в войсковом Александро-Невском соборе, без охранный. Дабы исключить непредвиденные казусы, в непосредственной близости от атаманской семьи и в соборе, и после окончания богослужения все время находились проинструктированные Федором Андреевичем филеры и переодетые городовые (все с оружием), которые смешались в толпе с горожанами. Сам же Засыпкин крутился возле собора (тоже с оружием), дожидаясь окончания церковной службы и нервничал, все ли он предусмотрел? Но все устроилось благополучно, как и должно. Бабыч негласную охрану не заметил и остался весьма доволен, о чем уведомил на утро заехавшего на чай заведующего охранным пунктом, троекратно похристосовавшись с ним: «Христос воскрес! — Воистину воскрес!» А любезная Софья Иосифовна подала на стол пышный пасхальный кулич, корзиночку с крашеными яйцами, несколько натурально кубанских рыбных и мясных блюд. Начали, впрочем, не с чая, а крымского кагора! Однако в Атаманском дворце Засыпкин задержался недолго — служба, не взыщите.

Он приступил к подготовке последней, завершающей операции по ликвидации максималистов. Весь апрель собирал агентурные сведения, анализировал их, вносил в особые дневники по каждому секретному сотруднику, вчитывался и глубоко вникал во всякую из вечерних рапортчек филеров Тимошенко, который сводил их в дневник наружного наблюдения по городу. Операция тщательно готовилась, и Федор Андреевич верил в ее успех.

Поскольку предполагалось задержание негодяев сразу по всем частям города, в очередной раз были привлечены все силы полиции Екатеринодара и местного жандармского управления, сформированные по отдельным группам. В ночь на 3 мая Засыпкин отдал приказ начать операцию, и к утру она была завершена — 54 максималиста были задержаны и трое убиты при попытке к бегству. Изучая рапорты и отчеты каждой группы по задержанным, Федор Андреевич неожиданно обнаружил, что всех троих максималистов застрелил Захаров. Побеседовав по душам с городо-

выми, входившими в группу под началом полицмейстера, Засыпкин выяснил, что основания для пресечения бегства злодеев формально имели место, и оружие было применено полицмейстером вполне правомерно. Однако перед тем как окружить дом, Захаров (то ли намеренно, то ли невзначай — вот вопрос!) подавал команды городовым зычным голосом, ровно труба иерихонская. Услышав на улице гвалт, максималисты проснулись, выскочили из дома в дверь и бросились наутек, став на утренней заре превосходной мишенью для Захарова. Опыт меткой стрельбы тот приобрел за время службы в 1900 — 1903 годах в Охранной страже Китайско-Восточной железной дороги и Заамурском округе Пограничной стражи, а также в русско-японскую войну. И уж несколько не удивился Федор Андреевич, когда полицмейстер, нарушая служебную субординацию, первым отрапортовал начальнику области о благополучно завершённой операции по ликвидации максималистов. При этом Захаров особо обратил внимание Бабыча на свою роль в успехе операции, присовокупив, что только благодаря его сноровке была пресечена попытка к бегству трех злодеев. Засыпкин не стал высказывать начальнику области своих подозрений относительно Захарова, но этот случай его неприятно поразил, и Федор Андреевич уверовал в мысли, что полицмейстер готов пройтись по трупам для достижения своих сокровенных целей и желаний, каковые уже явно стали вырисовываться...

В середине мая агентура сообщила, что несколько последних из оставшихся на свободе членов екатеринодарской группы анархистов-коммунистов «Анархия» выехали из Екатеринодара для соединения с местными анархистами в Новороссийск, где поселилась в гостинице «Европа» на Мартыновской улице. Для их «обследования» и задержания Засыпкин направил туда Тимошенко с филерами, однако те не нашли общего языка с местной полицией и вот почему.

Новороссийский полицмейстер, коллежский советник (то бишь полковник) Павел Нилович Киреев поручил приставу 1-го участка Николаю Дмитриевичу Сысоеву ликвидировать Новороссийскую группу

«Анархия», которая с весны 1907 года, несмотря на неоднократные аресты некоторых ее членов, продолжала совершать в городе убийства и экспроприации. Дело затянулось, и наместник на Кавказе негодовал по поводу нерасторопности новороссийской полиции, грозясь уволить полицмейстера. Однако все попытки окончательно добить анархистов к успеху не приводили. А тут из Екатеринодара подъехали филеры охранного пункта во главе с Тимошенко, которые под носом у новороссийской полиции накрыли последних членов екатеринодарской группы «Анархия» и возвратились с ними в Екатеринодар. Засыпкин начал работать с задержанными и, разумеется, получил сведения о местонахождении новороссийских анархистов. Полицейстеру Кирееву взять бы да и войти с Федором Андреевичем в переписку на предмет информирования о дислокации новороссийской группы. Но нет, деликатного подхода он не нашел и решил взять нахрапом. Киреев приказал приставу Сысоеву произвести дознание о недозволенных действиях Тимошенко при задержании анархистов в «Европе», а после его завершения донес в Тифлис о грубейшем нарушении закона екатеринодарскими филерами. Одновременно Киреев направил Засыпкину сообщение о результатах дознания.

«17 мая в 11 часов дня в швейцарскую комнату гостиницы „Европа“ заскочил какой-то человек и начал спрашивать швейцара Селиверста Осиповича Сивуду о зашедшей какой-то женщине в гостиницу, на что Сивуда ответил, что женщины не видел, и никто не заходил. Незвестный потребовал указать, где живут постояльцы, и швейцар ответил, что все они живут на верхнем этаже гостиницы. Незнакомец хотел было идти наверх, но Сивуда его не пускал, говоря: „Позовите полицию, тогда делайте что угодно“. Незвестный ответил: „Мне не нужно полиции, я сам полиция“, причем вынул револьвер, размахивал им и ругался: „Я вас, ...вашу мать, всех перестреляю!“ и пошел по коридору для осмотра номеров, а одного человека оставил на лестнице, приказав ему достать револьвер и никого не пропускать...»

По манере убедительно и наглядно излагать свои аргументы Засыпкин сразу распознал в «незнакомце» Тимошенко и, не дочитав бумагу до конца, бросил ее на стол и вызвал заведующего наружным наблюдением. Тот не заставил себя долго ждать.

— Федор Андреевич, не всякая вина виновата, — сказал Тимошенко, ознакомившись с заключением по результатам новороссийского дознания. — А только нашему брату внезапность и ретивость является подспорьем в этом деле, ага. Сколько уже наших получили злодейскую пулю в лоб из-за собственного слюняйства? То-то.

— За тобой тут нет вины, Иван Иванович, — успокоил его Засыпкин. — Ты и ранее действовал верно, продолжай же так и впредь. Но закон блюди!

Федор Андреевич хитро улыбнулся и сел писать ответ Новороссийскому полицмейстеру: «Заведующему наружным наблюдением Екатеринодарского охранного пункта Ивану Тимошенко сделан строгий выговор за несоответствующие действия при задержании членов группы „Анархия“». Вскоре из Тифлиса сообщили Засыпкину, что его сиятельство граф Воронцов-Дашков не находит оснований для осуждения действий Тимошенко и его филеров и поздравляет полковника Засыпкина с удачным завершением операции по ликвидации анархистов-коммунистов в Екатеринодаре.

Полицейстер Киреев некоторое время хранил молчание, но в конце концов был вынужден показаться перед Засыпкиным: дескать, был грех, виноват, но войдите в мое положение и будьте великодушны, дай Бог вам здоровья и генеральский чин!.. окажите милость, сообщите адреса наших местных анархистов. Федор Андреевич не стал держать на него зла и снабдил Киреева всей полученной информацией. Как водится, новороссийская полиция среагировала не шибко быстро и только в начале сентября ликвидировала конспиративную явку анархистов на Новобазарной улице, изъяв при обыске револьверы, гектограф для тиражирования прокламаций и финансовые документы организации...

Итак, предпринятые Засыпкиным меры способствовали полному прекращению терактов в Екатеринодаре: местные анархистские группы различных наименований были ликвидированы, а раздробленные остатки эсеров, максималистов и социал-демократов были вынуждены забиться в глубокое подполье на городских окраинах. 19 мая Федор Андреевич представил в Атаманский дворец официальный доклад начальнику Кубанской области:

«Ваше превосходительство.

Слабая деятельность административной и полицейской власти и полное отсутствие политического розыска по городу Екатеринодару привели к грандиозному накоплению преступного элемента, который, поощренный бездеятельностью, стал организовываться в различного наименования анархические и революционные группы, проявившие свою деятельность в целом ряде убийств различных лиц, грандиозном числе вымогательств денег у разных лиц с оружием в руках и с угрозами смерти, разграблений казенных и частных лавок и различных лиц, ряде вооруженных сопротивлений и, наконец, объявлении смертного приговора начальнику Кубанской области и стремлении привести в исполнение как таковой, так и в отношении заведующего Екатеринодарским охранным пунктом и других лиц.

Принятыми охранным пунктом мерами в связи с подъемом энергии совершенно почти прекращена деятельность целого ряда преступных организаций с выдающимся количеством участников, прекращен террор, грабежи и вымогательства, предупрежден целый ряд убийств, пресечены возможности выполнения покушений на жизнь начальника области, обнаружен целый ряд важных преступников, из которых многие уже повешены...»

Начальник области Бабыч воспринял доклад благожелательно и на спешно собранном совещании в Атаманском дворце в присутствии чинов управления Кубанской области и областного правления объявил Федору Андреевичу свое спасибо, после чего доложил в Тифлис об искоренении террора в областном центре.

...К началу лета 1908 года вокруг Засыпкина сплотилось ядро «чинов личного состава» (как он называл их в служебной документации), готовых пойти за своим начальником в огонь и воду. Помимо заведующего наружным наблюдением Ивана Ивановича Тимошенко, в штат охранного пункта входили филеры: Петр Яковлевич Фролов, 39 лет, запасной казак Области войска Донского (на службе в Екатеринодарском охранном пункте с 11 ноября 1907 года); Иван Титович Негоднов, 28 лет, младший урядник второй очереди Горско-Моздокского полка Терского казачьего войска, ранее состоял на службе филером в Тифлисском охранном отделении с 31 августа 1906 года по 11 ноября 1907 года (в Екатеринодарском охранном пункте с 20 ноября 1907 года); Петр Дорофеевич Демин, 32 года, из крестьян Саратовской губернии, ранее состоял на службе филером в Батумском охранном отделении с 1 февраля 1904 года по 20 августа 1907 года (в Екатеринодарском охранном пункте с 27 января 1908 года); Андрей Романович Баланцев, 27 лет, запасной старший унтер-офицер из крестьян Тамбовской губернии, ранее состоял на службе филером в Тифлисском охранном отделении с 1 сентября 1907 года по 15 апреля 1908 года (в Екатеринодарском охранном пункте с 15 апреля 1908 года); Александр Федорович Серокуров, 24 года, запасной младший унтер-офицер из крестьян Харьковской губернии, ранее состоял на службе филером в Тифлисском охранном отделении с 13 декабря 1907 года по 15 апреля 1908 года (в Екатеринодарском охранном пункте с 15 апреля 1908 года); Игнат Сергеевич Языков, 26 лет, запасной нижний чин из крестьян Ставропольской губернии, ранее состоял на службе филером в Тифлисском охранном отделении с 5 сентября 1906 года по 27 апреля 1908 года (в Екатеринодарском охранном пункте с 1 мая 1908 года). Заведующий наружным наблюдением Тимошенко получал небольшое жалованье — 70 рублей в месяц, филеры и того меньше — по 55 рублей, но не роптали.

К охранному пункту были прикомандированы (в его штат не входили): Иосиф Яковлевич Лубяный,

38 лет, губернский секретарь, состоящий полицейским надзирателем при Особом отделе канцелярии Наместника на Кавказе с 20 мая 1906 года (в Екатеринодарском охранном пункте с 1 ноября 1907 года, помощник заведующего наружным наблюдением) и Макар Филимонович Грушецкий, 28 лет, состоящий унтер-офицером дополнительного штата КОЖУ (в Екатеринодарском охранном пункте с 16 февраля 1908 года, прикомандирован для письменных занятий).

Помимо этого, с разрешения начальника Кубанской области с 3 марта для несения филерских обязанностей к охранному пункту были временно прикомандированы городовые Екатеринодарской городской полиции: Николай Матвеевич Кулик, 28 лет, запасной унтер-офицер из крестьян Полтавской губернии; Трофим Кириллович Коба, 33 года, запасной унтер-офицер из крестьян Полтавской губернии; Михаил Ульянович Вольский, 26 лет, запасной унтер-офицер из крестьян Могилевской губернии; Трифон Агафонович Твердохлебов, 32 года, запасной батарейный трубач из мещан города Александровска-Грушевского Донской области.

Это были лучшие люди Засыпкина: с некоторыми из них он стоял у истоков организации охранного пункта, другие вошли в штат или были прикомандированы позднее. Но их всех объединяло одно – преданность своему делу и глубокое уважение к заведующему пунктом, который никогда по надуманным основаниям не оставался в стороне от участия в рискованных предприятиях и ликвидациих. В свою очередь, Федор Андреевич с отеческой любовью относился к своим подчиненным и твердо верил в их профессионализм. Кстати сказать, он с большой иронией оценивал Инструкции по организации наружного наблюдения в отношении филеров и полагал, что на практике применение сих требований невозможно. Судите сами: «Филер должен быть политически и нравственно благонадежен, твердый в своих убеждениях, честный, трезвый, смелый, ловкий, развитой, сообразительный, выносливый, терпеливый, настой-

чивый, осторожный, правдивый, откровенный, но не болтун, дисциплинированный, выдержанный, уживчивый, серьезно и сознательно относящийся к делу и принятым на себя обязанностям; крепкого здоровья, в особенности с крепкими ногами, с хорошим зрением, слухом и памятью, такую внешностью, которая давала бы ему возможность не выделяться из толпы и устраняла бы напоминания его наблюдаемыми». Соединение всех указанных качеств в одном человеке Засыпкин считал маловероятным и полагал, что главное для филера – быть честным и смелым, остальное прирастет.

В это время Федора Андреевича буквально завалили прошениями о зачислении на службу в охранный пункт, причем не только местные жители, но и из соседней области. И это было понятно: в городе воцарился покой и благочиние, террористов и дух простыл. К примеру, 13 июля бывший писец Донского охранного отделения Фаддей Михайлович Жук сообщал заведующему екатеринодарского пункта: «Осмеливаюсь покорнейше просить Ваше высокоблагородие принять меня на должность писца или филера во вверенный Вам охранный пункт. Документ от 12 августа 1904 года о моей службе в Донском охранном отделении при сем прилагаю». Однако Засыпкин от подобного рода прошений отмахивался, как от назойливых мух, неизменно отвечая: «Свободных мест не имеется». Раньше-то, касатики, где были?

Воскресным днем 27 июля Засыпкин надумал посетить синемаграф «Бомонд-Иллюзия» на Красной улице. Там показывали фильм в девяти частях «Драма жизни», как извещала афиша, «выдающуюся сенсационную картину»: у местной публики она пользовалась громадным успехом. Пикантность ситуации заключалась в том, что демонстрация картины сопровождалась бравурным исполнением «Марсельезы». Когда Засыпкин совсем было уже собрался, в канцелярию пункта явился рассыльный из Екатеринодар-

ской городской полиции и вручил пакет. Вскрыв его, Засыпкин прочитал: «Милостивый государь, Федор Андреевич. Сего числа в третий раз в полицейское управление явился в нетрезвом виде агент вверенного Вам пункта. На вопрос, что ему угодно, он ответил мычанием. Фамилией этого агента я не поинтересовался, но его хорошо заприметил мой помощник, так как это посещение для него не новость. Поэтому, прошу распоряжения, чтобы пьяные агенты не посещали моего управления. Полицеймейстер капитан Захаров».

Ну и дела... Засыпкин вскипел, но тут же взял себя в руки – надо во всем разобраться. Он вызвал Тимошенко и приказал срочно убыть в полицейское управление на Дмитриевскую, прихватив филеров, и доставить в охранный пункт безобразника. Пока заведующий наружным наблюдением выполнял его указание, Федор Андреевич нервно ходил по канцелярии и недоумевал, как такое могло случиться, чтобы агент, да еще и пьяный, шатался по полициям? Поразмыслив, он несколько успокоился и телефонировал в полицейское управление, попросив к аппарату полицеймейстера.

– Ваше высокоблагородие, – представившись, ответил помощник полицеймейстера коллежский секретарь Серафим Иванович Воскресенский, – господин полицеймейстер обедать изволят.

– Обедать?! – с недоумением воскликнул Засыпкин. – Каково! Передайте капитану Захарову, чтобы он впредь не позволял себе писать официальные бумаги в таком тоне, подобно присланным нынче. Уяснили?

– Точно так, Ваше высокоблагородие, передам, – смущенно ответил Воскресенский. Он с уважением относился к начальнику охранного пункта и о причинах его нервозности догадывался.

Бросив телефонную трубку на рычаг и крутанув ручку индуктора, Федор Андреевич уселся за стол и принялся по его поверхности нервически отбивать пальцами обеих рук начало симфонии № 2 Бородина, сиречь «Богатырской», каковую боготворил с младых ногтей. Надвигалась буря...

Вскоре в канцелярию ввалились Тимошенко со товарищи, держа под руки расхристанного филера Петра Демина, глупо улыбающегося и пытающегося отстраниться. Помещение быстро наполнилось винным духом. «Вот оно что, – смекнул Засыпкин, – полицмейстер за агента принял филера». Поставив Демина посреди комнаты и отойдя на пару шагов, Тимошенко и филеры стали ожидать развития событий. И их ожидания не затянулись.

Поднявшись из-за стола, Федор Андреевич подошел к Демину.

– Ах ты, пьяная сволочь! – Засыпкин по-отечески вlepил ему оплеуху, от которой тот мешком свалился на пол. – Пошто повадился ходить в полицию в непотребном виде? Троекратно! Отвечай?

Демин, кряхтя и пытаясь сохранить равновесие, опираясь руками на воздух, поднялся и, приходя в себя, помотал головой.

– Ваш-ше выс-с-с... – он не смог выговорить, и глупая улыбка обратилась в трагическую маску скорби, – поз-звольте мне при-присесть.

Засыпкин подал ему стул и весь превратился во внимание.

– Врет полицмейстер, – начал Демин, постепенно приходя в себя от засыпкинской руки, – ранее не навещался в полицию, разве что нынче единожды пришел туда. По делу...

Федор Андреевич сделал знак рукой – продолжай.

– Так вот, Ваше высокоблагородие, – филер обеими руками пригладил растрепанные волосы на голове, придавая прическе благообразный вид, – вчерась в восьмом часу вечера проходил я мимо Нового базара, по Гоголевской значит. Встретил урядника Фому Цитовича, что служит в кордегардии при городской полиции. Слово за слово, решили выпить по маленькой в честь высокаторжественного тезоименитства ея императорского величества государыни императрицы Марии Федоровны, августейшей родительницы нашего государя...

– Постой-ка, голубь мой, – перебил его Засыпкин, который по этому случаю отправлял вдовствующую

щей императрице телеграмму с поздравлениями, — да ведь тезоименитство было двадцать второго числа, во вторник!

— Ваша правда, именно! — нисколько не смущаясь продолжал Демин. — Да ведь в тот день мы с ним, то есть с Цитовичем, службу несли, а на службе грех пить, ибо предосудительно, знамо дело. А вот вечером в субботу, после службы, самое то — выпить за здоровье августейшей родительницы!

— Разумно. Однако сегодня воскресенье. До сего дня с Цитовичем пили?

— Никак нет, Ваше высокоблагородие, истинную правду скажу. Стало быть, сидим мы с Цитовичем в приличественном месте, поднимаем рюмки за здоровье ея величества, основательно закусываем, ибо внимаем суть исторического момента...

— Изволь, братец, без этих подробностей. Что дальше?

— После пятой рюмки (вот как на духу — последняя была!) Цитович и говорит, дескать, утром, в субботу то есть, полицмейстер собрал у себя приставов с их помощниками и нас из кордегардии и говорит: «Вы все поменьше возитесь с политическими обысками и арестами, в особенности по распоряжениям от заведующего охранным пунктом, ибо не он будет вас защищать, если вдруг оказия приключится и вы что-либо не так сделаете, а я, полицмейстер». А после назвал заведующего охранным пунктом, то есть Ваше высокоблагородие, таким словом, что вслух и произнести срамно.

— Нуте-с, что за слово? — полюбопытствовал Засыпкин.

— Ваше высокоблагородие... — замялся, было, филер, но напоровшись на начальственный взгляд, быстро нашелся, — слово это, с вашего позволения, анатомического свойства, каковым по обыкновению извозчики ругаются, а в приличном обществе всеу не произносится.

— Отдаю должное, Демин, твоему умению интриговать, — развеселился Засыпкин. — Однако не тяни, главное-то не сказал.

— Так вот, я как услышал про полицмейстера — так сразу домой и засобирался. Врать-то Цитович не приучен, наш человек — малый не промах, сколько раз содействовал при помещении террористов в кордегардию для дознания. И всю ночь эта история у меня из головы не выходила. Я так разозлился, что на утро опохмелился да и пошел к полицмейстеру высказать ему: зачем вносит смуту в наше общее дело? Да малость не рассчитал, развезло меня — жаркое нынче лето выдалось...

В правдивости слов филера Федор Андреевич не сомневался. Но необходимо было поставить точку в приключившемся инциденте, и он стал наставлять всех присутствующих в абсолютной невозможности пребывать на службе в пьяном виде, в противном же случае — их ожидают крайние меры. В подтверждение своих слов и для острастки он даже пообещал, что всем сомневающимся будет «бить в мордасово, аки в бубен». Аргумент, надо признать, был достаточно убедительный, хотя и несколько сомнительный. Однако он подкреплялся тем внушительным авторитетом, каковой имел заведующий охранным пунктом в среде филеров. Для собственного успокоения Засыпкин написал приказ об увольнении филера Демина от службы по неудовлетворительному поведению, но объявлять не стал — поместил в особую папку, да и засунул в стол, на всякий случай. Но давать спуска Захарову отнюдь не стал: он вдруг вспомнил все последние события и пришел к выводу, что полицмейстер во что бы то ни стало старается выпятить свою роль в борьбе с террором и показать собственную значимость, дабы обратить на это внимание начальника области и получить от него преференции по служебной части. Ну и, вестимо, утолить собственное болезненное самолюбие. Хватит, довольно, дело далеко зашло!

В понедельник Федор Андреевич отправил полицмейстеру письмо, нагнав страху: «Милостивый государь, Дмитрий Семенович. Имевшие в последнее время в Екатеринодаре многие неправильные действия чинов полиции, выразившиеся в производстве, помимо меня, обысков и задержаний лиц, заподо-

зренных в политической неблагонадежности, а равно проявившиеся в стремлении к самостоятельному ведению политического розыска, побуждают меня поставить Вас, Ваше высокоблагородие, в известность, что подобные самоволия являются грубейшим нарушением соответствующих указаний господина Министра внутренних дел. О том ему будет доложено вместе с представлением о несоответствии Вас, Ваше высокоблагородие, занимаемой ныне должности полицмейстера Екатеринодара. Примите уверения в совершеннейшем к Вам почтении и проч. Полковник Засыпкин». Следующим днем все тот же Фома Цитович поделился с Деминым, что капитан Захаров, запершись в своем кабинете, просидел в нем до вечера. Причем оттуда в течение дня в канцелярию управления городской полиции проникал и витал в воздухе характерный запах ландышево-валериановых капель, а выйдя из кабинета, полицмейстер имел нездорово-бледный вид и ссыался на сердечные ущемления и недомогания.

Дабы полностью закрыть «захаровский» вопрос, Федор Андреевич телефонировал в Атаманский дворец и, поинтересовавшись здоровьем и настроениями начальника области, перешел к делу.

— Ваше превосходительство, — начал Засыпкин, — с вашего позволения выскажу суть моих тревог. Видите ли, полицмейстер в последнее время, как мною замечено, стремится к ведению самостоятельного политического розыска, не имея к тому ни опыта, ни умения, ни соответствующих секретных сотрудников. От его неумных желаний страдает дело окончательного искоренения террора в Екатеринодаре. Надлежащее уведомление я ему вчинил и, надеюсь, своих полномочий не превысил. Полагаю, Михаил Павлович, в вашем лице найду полную поддержку по сему предмету.

— Даже не сомневайтесь, Федор Андреевич, я всецело на вашей стороне, — заверил Бабыч и усмехнулся. — Вы только послушайте, какое анонимное письмо я намедни получил по почте... Извольте, пишут: «Ваше Превосходительство, господин Наказной

Атаман! Будьте осторожны с теперешним полицмейстером. Он, подлец, с ворами и экспроприаторами заодно действует. Хабарник ¹, ему давно хотелось этого места...» Что скажете, каково?

— По-видимому, верно, Михаил Павлович, — рассмехался Засыпкин. — Лучше не скажешь!

— Но-но, это ведь я Захарова назначал полицмейстером, — в тон ему ответил Бабыч. — Так и меня можно причислить к таковым хабарникам?

— Не извольте беспокоиться, люди знают ваши заслуги и ваше истинное лицо, и его нельзя замарать непристойными суждениями.

— Разделяю ваше мнение, любезный Федор Андреевич, — пошутил Бабыч. — Однако нынче время смутное, всяким слухам и прокламациям люди верят... А Захарова я со своей стороны приструню, если он посмеет и далее совать свой нос в политические дела. Мало ему уголовщины? Известное дело — сиюминутной славы захотелось. Не всем казакам в атаманых быть!

На том и сошлись. Заручившись поддержкой начальника области, Засыпкин успокоился, хотя надо было держать ухо востро. Прознав о конфликте заведующего охранным пунктом с полицмейстером, на сцену вновь вышел начальник жандармского управления. В том же июле полковник Воронин, пожелав устроить собственный бенефис, сообщал в Тифлис:

«Начиная с 1902 года и до последнего времени, я неоднократно в донесениях своих в департамент полиции указывал на трудность положения, занимаемого Кубанским областным жандармским управлением в борьбе с начавшимся революционным движением. Приводя в тех донесениях различные факты и сопоставляя их с работой непосильно распределяемой между чинами Управления, я доказывал необходимость увеличения штата Управления на три офицера с тем, чтобы одному из них было поручено ведение агентурного дела, как специального и требующего постоянной и напряженной работы. Представления

¹Хабарник – взяточник.

мои, однако, несмотря на поддержку со стороны бывшего начальника Кубанской области, были не уважены, личный состав Управления остался прежним, а революция шла вперед усиленным темпом, засыпая Управления делами и вызывая ими постоянные разъезды по области чинов Управления. Вспыхнувшее открытое восстание в конце 1905 года в Кубанской области завершилось рядом убийств, в числе которых 21 сентября прошедшего года пал жертвою правитель канцелярии начальника Кубанской области господин Руденко. Убийство это всполошило местную администрацию, и на совете, имевшем место в тот же день, я прямо и открыто заявил, что, при существующих условиях я бессилён в борьбе с революционерами и что единственным средством подавления этого движения считаю учреждение охранного отделения. Результатом сего было учреждение охранного пункта в Екатеринодаре. Мне было предписано передать заведующему им всех секретных сотрудников, что и было исполнено, и пункт открыл свои действия, насколько помню, с первых чисел ноября.

С открытием пункта положение дел в области ничуть не изменилось, если не считать, что заведующий охранным пунктом, располагающий, по сравнению со мною, раза в четыре, если не больше, средствами для ведения агентуры, категорически отказывается распространять свою деятельность за чертой города и такое заявление поддерживается, а ко мне предъявляют настойчивые требования вести агентуру за пределами города, во всей области, где я не могу руководить ею потому, что за массой других дел мне положительно некогда ею заниматься. В настоящее время у меня не имеется постоянных сотрудников, а есть временные, находящиеся на испытании».

Из Тифлиса запросили Засыпкина дать сведения о деятельности жандармского управления в настоящее время: так ли загружен делами политического розыска Воронин, как он сетует? И Федор Андреевич, не скрывая деталей, сообщил все, что ему стало известно из гласных и негласных источников: «Местное жандармское управление славится не только в среде слу-

жебной, но и в среде обывателей и революционеров, распущенным составом, где нижние чины пьянствуют с офицерами, где пропадают документы, казенное оружие, сгорают секретные дела, откуда сообщаются конфиденциальные сведения в революционные организации и прочее». Это явилось последней каплей терпения наместника на Кавказе, который достаточно быстро снесся со штабом Отдельного корпуса жандармов и бюрократический механизм, на удивление, сработал без проволочек. Приказом по корпусу № 184 от 18 июля было объявлено: «Согласно Высочайшему его Императорского Величества приказу от 15 сего июля, Отдельного корпуса жандармов полковник Воронин производится в генерал-майоры, с увольнением от службы, с мундиром и пенсией».

Для Модеста Ильича приказ этот стал сродни грому среди ясного неба: он рассчитывал, если Бог даст, еще пару-тройку лет послужить в генеральских чинах — благо Засыпкин разобрался со всеми террористами в городе, можно было безбоязненно служить и далее. Ан нет, промашка вышла... Согласно денежному аттестату, Воронин был удовлетворен по 2 сентября жалованьем из оклада 2004 рублей в год, столовыми деньгами из оклада 2100 рублей в год, суммой на наем прислуги из оклада 288 рублей в год и квартирными деньгами из оклада 438 рублей. Выйдя в отставку, бывший начальник КОЖУ уехал на постоянное место жительства в Киев, где стал проживать на Гоголевской улице, 30 в квартире № 10. Ему бы успокоиться, отдохнуть от интриг и козней, да и засесть за мемуары о своей службе в корпусе жандармов, как это делали его известные сослуживцы по «табуретной кавалерии». Но нет, не таков был Модест Ильич.

В начале августа в департамент полиции пришло письмо, якобы от секретного сотрудника (без указания фамилии или псевдонима) Екатеринодарского охранного пункта, в котором описывались грубейшие нарушения в деле политического розыска, допущенные заведующим пунктом Засыпкиным, а также его неблагоприятная деятельность в Екатеринодаре. Провести служебное расследование по указанным в письме

фактам Департамент поручил начальнику Тифлисского ГЖУ полковнику Александру Михайловичу Еремину. Тот съездил в Екатеринодар, встретился с начальником Кубанской области, поговорил с чинами охранного пункта и жандармского управления, встретился с Засыпкиным. А потом отправился в Киев, где изъясил образцы почерка у членов семьи Воронина для сличения с письмом. По возвращении в Тифлис Еремин представил доклад в департамент полиции:

«Для производства расследования о неблаговидной деятельности заведующего Екатеринодарским охранным пунктом полковника Засыпкина я выезжал в Екатеринодар и Киев, причем выяснилось следующее: автором письма, писанного как бы от имени секретного сотрудника, оказалась дочь бывшего начальника Кубанского областного жандармского управления, ныне генерал-майора в отставке Воронина – Елена Модестовна Воронина. Она своим пасквилом предполагала отомстить полковнику Засыпкину за своего отца, который видит причину своего увольнения от службы не в своей безграничной бездеятельности, а в происках и доносах Засыпкина. Из служебных обвинений полковнику Засыпкину инкриминируются следующие:

- 1) Что он заставлял секретных сотрудников писать вымогательные письма с угрозами от лица экспроприаторов;
- 2) Подзадоривал секретных сотрудников всеми силами способствовать организации взрыва дворца начальника Кубанской области;
- 3) Что вместо ведения агентуры тратит казенные деньги на содержанок;
- 4) Что дело агентуры ведется настолько неумело, что все агенты знают друг друга.

При расследовании эти факты не подтвердились. Что же касается обвинения в том, что секретные сотрудники знают друг друга, то автор пасквиля, вероятно, перемешал последних с филерами.

Начиная с начальника области, все отзываются о полковнике Засыпкине в высшей степени одобри-

тельно, как о нравственной, так и, в особенности, о служебной его стороне, а начальник области лично говорил мне, что наступившим спокойствием в области он обязан исключительно полковнику Засыпкину».

В глубине души полковник Еремин полагал, что Елена Модестовна Воронина писала анонимное письмо под диктовку отца, но свои соображения на сей счет распространять не стал. В департаменте полиции доклад Еремина приняли к сведению, но в отношении дочери генерала решили не возбуждать дознание за лживый донос, употребленный для вовлечения начальства в заблуждение.

Узнав от Еремина, что в вину Засыпкину, помимо прочего, вменялось понуждение секретных агентов к взрыву Атаманского дворца, Михаил Павлович Бабыч громко и весьма продолжительное время смеялся, утирая слезы носовым платком, своевременно поданным его заботливой супругой. Потом ей пришлось отпаивать мужа чаем, заваренным на успокоительных травах.

...Тем временем исправляющим должность начальника Кубанского областного жандармского управления был назначен прикомандированный с 16 июля к управлению 45-летний подполковник Константин Михайлович Шебеко (из потомственных дворян Виленской губернии), опытный жандармский офицер (ранее служил в Петербурге, Варшаве, Могилеве, Гомеле и проч.), получивший в июне 1905 года «травматический нейроз» при исполнении служебных обязанностей. Встретившись с Засыпкиным, он произвел на него приятное впечатление: досконально знал постановку розыска, не сторонился черновой работы, понимал важность объединения усилий жандармской власти с охранным пунктом во имя общего дела. И они стоворились воссоединить вверенные им учреждения под одной крышей, дабы экономить время и, кстати, денежные средства. В начале сентября охранный пункт переехал в сдаваемый дом начинающего художника Якова Григорьевича Гарбуза на Крепостную улицу, 11 и занял второй этаж, а на первый – перебралось с Дмитриевской жандармское управление. Вскоре Константин Михайлович направил в

департамент полиции первый доклад:

«Ознакомившись с делами принятого мною Управления, я нашел, что розыск в Управлении не организован и революционная деятельность в Кубанской области совершенно не освещена. Между тем в городах Ейске, Темрюке, Майкопе, Анапе и селениях с населением более 15 тысяч душ в каждом (Тихорецком, Армавире, Романовском и Павловском) имеются комитеты социал-демократов и социалистов-революционеров с группами и партиями по станицам области.

Сформирование отряда филеров, приобретение секретных сотрудников, правильная постановка розыскного дела и успешная разработка полученных сведений требуют соответствующих сил, каковых при Управлении не имеется, так как на всю Кубанскую область, равную по площади почти 90 тысячам квадратных верст с населением в два миллиона душ состоит только один помощник мой и адъютант.

При таком составе трудно поставить на надлежащую высоту дело розыска и еще труднее использовать его. При отсутствии розыска за настоящий год уже прошло 52 дознания, 35 переписок и 26 отдельных следственных требований. Кроме того, от предшественника моего принято 13 не возбужденных переписок по преступлениям в 1906 и 1907 годах. С постановкою розыска, я полагаю, что число дознаний значительно увеличится, между тем, производить их некому, так как я для этого могу уделять очень мало времени, а помощник один физически не в силах своевременно производить дознания и должным образом разрабатывать. Прошу не отказать в прикомандировании к Управлению хотя бы одного офицера для производства дознаний».

Между прочим доклад Шебеко был принят департаментом полиции к сведению, и к лету 1909 года в штат КОЖУ входило девять жандармских офицеров с большим практическим опытом деятельности — и по розыску, и по производству дознаний. Кстати, осенью 1908 года в канцелярии заместника на Кавказе рассматривался вопрос об учреждении в Екатерино-

даре охранного отделения для охвата деятельности на всю Кубанскую область, и даже было предложено Шебеко дать заключение по расчету потребных ассигнований и возможного кандидата на пост начальника «охранки». Но потом от подобной затеи отказались, вероятно, исходя из материальных соображений: по распоряжению графа Воронцова-Дашкова, согласованному с департаментом полиции, Екатеринодарский охранный пункт был присоединен к местному жандармскому управлению. Но все это случилось уже после того, как Засыпкин, выполнив свою миссию, покинул Екатеринодар и отбыл в Тифлис...

В середине октября, спустя год после прибытия в Екатеринодар, Федор Андреевич получил указание вернуться в Тифлис к исполнению своих обязанностей в Особом отделе: дело было сделано — с террором в областном центре Кубани было покончено навсегда.

Перед отъездом Засыпкин сердечно простился с заведующим наружным наблюдением Тимошенко и его филерами. Потом поочередно встретился на явочной квартире со всеми своими секретными сотрудниками, которым объявил об окончании своей миссии в Екатеринодаре и поставил выбор — либо они продолжают свою деятельность, но уже под эгидой жандармского управления, либо вольны оставить службу. Результат оказался поразительным: ни один из агентов не захотел перейти под крыло подполковника Шебеко, ибо предполагали видеть своим шефом исключительно Федора Андреевича. Уведомив о том исправляющего должность начальника КОЖУ и передав ему дела охранного отделения, Засыпкин нанес прощальный визит в Атаманский дворец. Там он тепло попрощался с начальником области Бабычем и его супругой. Последняя была растрогана и не удержалась от слез:

— Федор Андреевич, я бесконечно признательна вам за то, что вы сделали не только на пользу службы Михаила Павловича, но и для нашей семьи, ограждая ее от злоумышлений. За то время, что Господь дал нам счастье знать вас, не побоюсь сказать, вы стали родным в кругу нашей семьи. Не взъщитесь за откровенность...

Глаза Бабыча и Засыпкина от проникновенных речей несколько увлажнились, и они смущенно зашмыгали носами. Федор Андреевич прильнул к руке Софьи Иосифовны, высказывая ответные слова благодарности, после чего начальник области крепко обнял его и трижды расцеловал. Тогда полковник Засыпкин и подумать не мог, что расстается с ними навсегда...

Покидая Екатеринодар, Засыпкин поймал себя на мысли, что не плохо бы, уйдя в отставку, когда придет срок, поселиться в этом уютном южном городе, провинциально-простом и далеком от столичной вычурности. И непременно посадить во дворе дома цветы.

После отъезда Федора Андреевича судебно-следственные установления Екатеринодара еще долго разбирали плоды его работы. И только в мае 1910 года были преданы суду последние анархисты из группы «Мстители»: Иовишвили, Галустов, Ванидзе, Магулария, Масхарашвили и другие (по приговору они были осуждены к каторжным работам на срок от 4 до 6 лет и ссылке на поселение). А в сентябре того же года в Екатеринодаре был вынесен приговор еще 68 анархистам-коммунистам (7 были повешены, а 37 осуждены к каторжным работам на различные сроки).

По возможности Засыпкин старался не упускать из виду своих бывших подчиненных и радовался их успехам по службе. К примеру, заведующий наружным наблюдением Иван Иванович Тимошенко приказом по канцелярии наместника на Кавказе от 18 февраля 1910 года был назначен полицейским надзирателем Особого отдела, с оставлением при Екатеринодарском охранном пункте, а 6 августа того же года откомандирован в Тифлисское охранное отделение. Филер Александр Федорович Серокуров 4 марта 1910 года был зачислен на сверхсрочную службу унтер-офицером в Кубанское областное жандармское управление. В апреле того же года филеры Иван Титович Негоднов, Петр Яковлевич Фролов и Николай Матвеевич Кулик были назначены околоточными надзирателями Московской столичной полиции. Остальные продолжали служить в Екатеринодаре.

Вернувшись в Тифлис, Засыпкин сделал личный доклад его сиятельству графу Воронцову-Дашкову о своей командировке в Екатеринодар и с его позволения убыл в месячный отпуск. 25 ноября приказом по Управлению наместника на Кавказе он был назначен исправляющим должность тифлисского полицмейстера, а 17 декабря — пожалован орденом Св. Анны 2-й степени.

В новой должности Федор Андреевич развил присущую ему бурную деятельность, каковая не могла не обратить внимания высшего начальства. В середине мая 1910 года Тифлиссский губернатор, действительный статский советник Михаил Александрович Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский и прокурорский надзор Тифлисского окружного суда в лице прокурора Николая Петровича Федорова засвидетельствовали наместнику на Кавказе успешную деятельность Тифлисской городской полиции по делу об убийстве 13 августа минувшего года жены отставного генерал-майора Александра Львовича Третьякова — Евдокии Михайловны в собственной квартире, а также наблюдаемого за последнее время общего улучшения несения полицейской службы в городе как, собственно, наружной, так и по производству дознаний и раскрытию преступлений. На этом основании его сиятельство граф Илларион Иванович объявил Засыпкину искреннюю благодарность за энергичную и полезную деятельность. В июле того же года приказом тифлисского губернатора ему была объявлена благодарность за ревностную деятельность по делу успешного поступления окладных сборов по городу Тифлису.

Беда приключилась зимой 1911 года: 13 января в шесть часов вечера во время преследования злоумышленников, стрелявших в городского Петросова на Казбекской улице против дома № 22, Федор Андреевич оступился и при падении в овраг сломал правую ногу. В Тифлисском военном госпитале больного пользовал доктор медицины, статский советник Федот Васильевич Чудновский, к началу лета поставив-

ший Засыпкина на ноги в буквальном смысле. И уже 30 июня приказом тифлисского губернатора, ввиду распорядительности чинов Тифлисской городской полиции при похоронах основателя коньячных заводов в России коммерции советника Давида Захарьевича Сараджева, полицмейстеру была объявлена благодарность за принятие мер к сохранению должного порядка при большом скоплении публики.

Федор Андреевич был женат на Лидии Стефановне Казанской, дочери артиллерийского подполковника. Жили да жили, детей не было, и Засыпкин со скуки завел роман на стороне. Супруга прознала об измене... 18 февраля 1912 года решением Грузино-Имеретинской Синодальной конторы, утвержденным указом Святейшего Правительственного Синода от 29 мая, брак сей был расторгнут, вследствие нарушения Федором Андреевичем супружеской верности прелюбодеянием. Удивительно, но подобный казус ни коим образом не отразился на его карьере, ибо 6 декабря того же года Высочайшим приказом по Военному ведомству он был произведен за отличие по службе в генерал-майоры, с утверждением в исправляемой им должности тифлисского полицмейстера.

Накануне Великой войны, 17 июня 1914 года приказом по Управлению заместителя на Кавказе Засыпкин был назначен начальником Сухумского округа. С началом войны приказом по Кавказской армии было приступлено к формированию Черкесского конного полка из четырех сотен (128 шашек в каждой): первые две состояли из черкесов Екатеринодарского и Майкопского отделов Кубанской области, третья – из карачаевцев Лабинского отдела той же области, а четвертая – из абхазов Сухумского округа, в организации и формировании которой большую роль сыграл Федор Андреевич. 16 сентября командир абхазской сотни штабс-ротмистр Генрих Федорович Бьерквист из Сухума телеграфировал командиру Черкесского конного полка подполковнику Александру Захарьевичу Чавчавадзе: «Люди прибыли. Огромный труд Засыпкина дал хороший результат. Все молодцы. Конский состав частью хорош, частью удовлетвори-

телен». В сентябре 1915 года Федор Андреевич был пожалован орденом Св. Владимира 3-й степени.

На театре военных действий Черкесский конный полк в составе Кавказской туземной конной дивизии («Дикой дивизии»), входившей во 2-й кавалерийский корпус, принимал участие в операциях на Юго-Западном фронте. В июне 1916 года в составе 7-й армии Черкесский конный полк участвовал в Брусиловском прорыве и наступлении русской армии. В августе того же года Засыпкин был уволен от службы в отставку.

В Гражданскую войну Федор Андреевич оказался в Крыму. После исхода в Константинополь русской армии барона Врангеля в ноябре 1920 года он на чужбину не отправился, остался в Крыму. На что понадеялся – неизвестно. 5 декабря того же года в Алушке по постановлению Чрезвычайной Тройки Крымской ударной группы Управления особых отделов Южного и Юго-Западного фронтов 53-летний генерал-майор Федор Андреевич Засыпкин был расстрелян в числе 130 человек. Смертный приговор подписали: председатель Тройки – начальник Особого отдела Черного и Азовского морей Чернобровый и члены – политрук 6-й роты 406-го полка Соснин и председатель ревкома города Алушки Дерябин.

В начале XXI века в лесном массиве близ Алушкинского кладбища была обнаружена расстрельная яма. Летом 2007 года там был установлен крест, освященный на следующий год. На памятной плите у подножия креста нанесена надпись: «На этом месте в начале декабря 1920 года было расстреляно во время красного террора более 1000 человек раненых и больных воинов из госпиталей Алушки. Покой, Господи, души рабов Твоих, погибших в братоубийственной смуте».

Упокой, Господи, душу раба Твоего Федора... ■